

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 60 КОП.

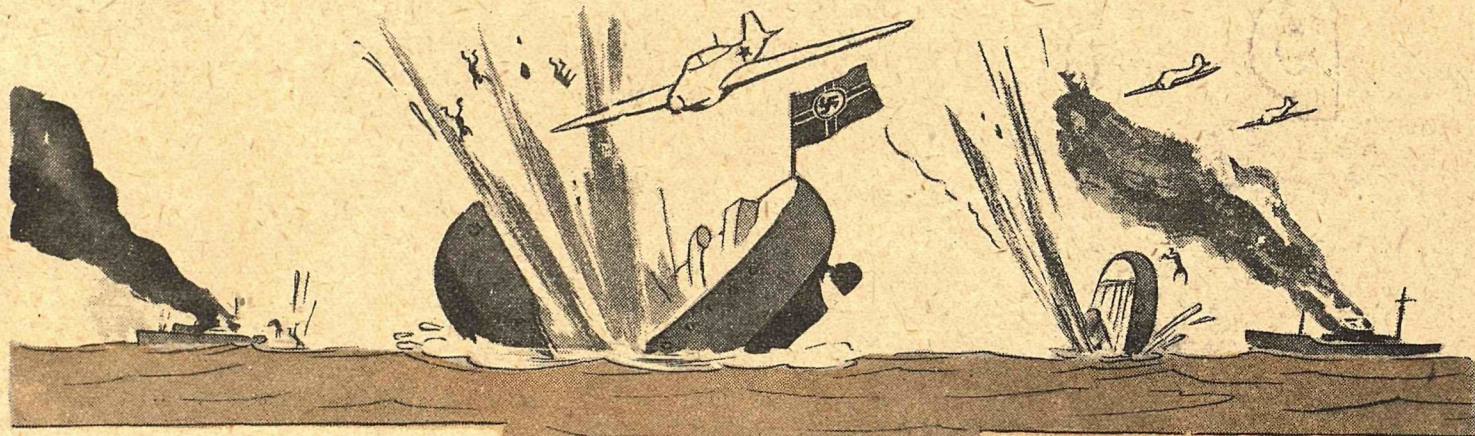

НО КОРОТОК ИХ ВЕК... Рис. Ю. Гаяфа

— Ведь фюрер обещал немцам Австрию навеки!..

— Да, да!.. Как быстро пролетело время!

Ю.
1945
45

Женское счастье

(Вариант, не предусмотренный Чеховым)

ХОРОНИЛИ повесившегося гаулейтера Запфенберга.

К дому висельника со всех сторон бежали немцы, желавшие поглядеть на вынос. В одной из групп, спешивших на похоронное зрелище, находились чиновники местной ратуши Пробке и Свистке. Оба были со своими фрау.

— Хальт!—остановил их старший помощник палача, дубина с усиками фюрера.— Нельзя. Пра-ашу немножко назад! Кому я говорю? Я думаю, немцам уже пора понимать, что назад—это не вперёд. Впрочем, так и быть, дамы могут пройти... Пожалуйте, фрау, чорт с вами...

Две рыжие клячи, жёны Пробке и Свистке, заржали от неожиданной любезности старшего помощника палача и юркнули сквозь цепь, а мужья их занялись созерцанием стипи пеших и конных гестаповцев.

— Пролезли!—сказал Пробке с завистью.— Счастье, ей-богу, этим шиньонам! Мужскому полу никогда таких привилегий не будет, как ихнему, дамскому.

— Странно вы рассуждаете, господа!—отозвался старший помощник палача.— А кого по личному приказу самого фюрера вешают? Женщин? Нет, мужчин. До женщины ещё его милость не дошла. Вот и господин гаулейтер, например... Говорят, что если бы он сам не догадался повеситься, его бы всё равно вздернули...

— Господин старший помощник! А за что бы вздернули господина гаулейтера?— робко спросил Свистке.

— За шею.

— Большое спасибо. А позвольте узнать, чем провинился господин гаулейтер?

— Ногами.

— Большое спасибо. А что сделали ноги господина гаулейтера?

— Бежали не в том направлении, куда хочется фюреру.

— Большое спасибо. А не слыхали ли вы случайно, куда фюреру хочется?

— Ко всем чертям!

— Большое спасибо...

— Это я вам говорю: ко всем чертям! Прекратить излишние вопросы!

— Большое спасибо, господин старший помощник.

— А возьмите чины!—не унимался Пробке.— Вот, кстати, о фюрере. Чтоб подслужиться, скажем, до звания фюрера, я должен стать сумасшедшим, в крайнем случае психопатом или шизофреником. А какая-нибудь, прости господи, Гретхен или Минхен покрутит перед фюрером шлейфом, пощурит глазки—вот и фюрериха. А за какие, спрашивается, заслуги? Или, к примеру, господин Геббельс. Сколько он лгал, врал, брехал, шуга горохового из себя строил, совести не жалел,— и вот человек по заслугам стал Геббельсом. А супруга его? Скажите, пожалуйста, за что она фрау Геббельс? Из девиц и прямо во фрау. А дай ты ей сочинить какую-нибудь небылицу про стойкость германской расы, так она тебе и вышлет вхо-

— Опять сегодня на обед суп с фрицедельками!..

дящую в исходящие. Говорить уж нечего! Женщине всегда во всём фортуна.

— Зато она в болезнях штурмовиков утешает,— заметил Свистке.

— Велика важность! А попробовала бы она быть в фольксштурме и постоять перед русским танком, когда он жару напускает, так ей бы эти самые болезни удовольствием показались. Во всём и во всём им привилегия! Эвакуироваться—женский пол в первую очередь. А за какие, спрашивается, заслуги перед фатерляндом? А, может быть, я сам хочу эвакуироваться в первую очередь? И даже вне очереди? Опять же—кто сидит в «котлах», кто валяется в «мешках»? Наш брат. Почему женщин не берут в «клевши», а?

— Но сейчас многие немки,— заметил Свистке,— неплохо овладели одной мужской профессией. Я имею в виду беженство. Немки наряду с немцами, можно сказать, плечом к плечу заполняют сейчас все дороги Германии: бегут крепким, мужским шагом из Бреслау в Вену, из Вены—в Мюнхен, из Мюнхена—неизвестно куда...

— Тыше! Несут гаулейтера... Орденов-то сколько, железных крестов, дубовых листьев, батюшки светлы! А на шее—верёвка-то какая! Ну, что, ей-богу, пустили дам вперёд, разве они понимают что-нибудь в дубовых листьях и верёвках?..

Г. РЫКЛИН

КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

К бандитам-баронам
Врываясь в дворцы,
Советские вещи
Находят бойцы.
На туфлях, консервах
Печати знакомы —
Наркомпищепрома
И Наркомлепрома...
Громя наши хаты,
Сжигая детей,
Свозили бандиты
Вагоны вещей.
Но время иное
Настало для гадов:
Идут к ним изделия
Других наркоматов,—
Не Внешней торговли
И не Просвещения,
А боеприпасов
И Вооружения.
И слышится возглас
Родного солдата:
«Ай, крепок, ай, славен
Продукт наркомата!»

Б. КОТЛЯРОВ

Действующая армия.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

НЮРНБЕРГ. Среди немецких гаулейтеров и комендантов в последнее время распространена популярная игра в ящик. В частности успешно «сыграли в ящик» бывший комендант Бреслау, гаулейтер Верхнего Дуная и др. По слухам комендант Берлина тоже приступил к изучению правил этой занимательной игры.

ЦЮРИХ. Придворный гитлеровский поэт Бальдур фон Ширах (он же гаулейтер Вены) в поисках рифмы к слову «висельница» спешно вылетел из Вены в Берлин.

БЕРЛИН. В связи с наступившей весной в германской армии всё чаще отмечаются случаи заболевания дезертирией.

ОСЛО. Здесь получено сообщение, что вследствие потери германским Рейхсбанком золотого запаса отменены все виды чаевых для квислингов.

МЮНХЕН. Германское археологическое общество уступило Швейцарии за недорогую цену развалины Петена.

ЛОНДОН. Корреспондент газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» в своей корреспонденции с фронта «Чёрная неблагодарность белых рабов» с возмущением приводит факт зверского обращения со своим хозяином в деревне Клейндорф. Как только союзные войска вошли в эту деревню, неблагодарные рабы пощипали ферму.

«Мирный зондаж» Германии не имеет успеха.

Рис. К. Елисева

НАЧАЛО было вполне обычное: за письменным столом сидел заведующий и долго говорил по телефону, а скромный посетитель в шинели военного образца, но без погон, лулко вздыхая, стоял у дверей и дожидаясь конца этого разговора. Разговор стал замедляться, явно приближаясь к естественному своему пределу.

— Ну, идёт, есть,—ворчал в трубку заведующий,—есть. А?.. Да. Ну, есть. Есть. Ну, есть. Ага. Да. Угу. Да. Ну да. Есть. Пока. Ну, есть. Всего. Есть. Угу. Да. Есть!

И трубка медленно опустилась на рычаг. Затем заведующий обвёл глазами кабинет, и в орбиту его зрения попал посетитель.

— Вы ко мне?—спросил заведующий.

— К вам!

— По какому вопросу?

— По такому!—посетитель, как автомобиль, набирающий скорость, говорил всё громче и с возрастающим раздражением.—Что ж это у вас делается?

— У нас, во-первых, ничего не делается, дорогой товарищ!—немедленно отозвался заведующий, как хороший актёр, сразу приняв тон своего партнёра.

— Вот именно: ничего у вас не делается!

— Положим, у нас многое делается. И вообще не ваше дело, что у нас делается.

— Нет, это—моё дело. У вас не делается то, что должно делаться, а делается то, что не должно бы делаться!

— Видно, вам, товарищ, самому нечего делать, если вы только и делаете, что смотрите, где что делается и что не делается!

— А я вас попрошу, товарищ.

— Нет, это я вас попрошу!

— А я вас попрошу меня не просить!

— А я вас попрошу...

Тут заведующий осекся, не зная, что дальше сказать. Молчал и посетитель. Но он вскоре очухался и произнёс с энергичным выражением:

— Эх, засиделись вы здесь в кабинетиках, дорогой товарищ, вас бы на фронт! Заведующий не юрбел.

— А вы фронтом не пугайте, дорогой товарищ!—сказал он.—Видали мы и фронт!

— Да... видали: на картах да в сводках...

— Не знаю, кто—на картах и кто—в сводках, а я так, например, два с половиной года провёл на Кавказском фронте.

— Ну, да?—недоверчиво переспросил посетитель.—Когда же это?

— Весь сорок второй и сорок третий и ещё...

— В какой армии были?

— Номера я вам не скажу, сами понимаете. А могу только сказать, что назывались мы «хозяйство Фёдоров».

— Ну да?—посетитель шагнул вперёд.—А наштаба кто у нас был, знаете?

— Кто у вас, не знаю, а у нас был генерал-майор Прохоров.

— Точно. Командующий артиллерией—генерал Сипловский.

— Факт! Позвольте, значит, вы—оттуда же?

— Точно. Начполитотдела...

— Полковник Евстигнеев...

— Стой, чорт! Да ты-то сам в какой части был?

— Я связист.

— У подполковника Астраханского?

— У него. А ты?

— А я—в сапёрах. Куришь?

— Спасибо. У меня есть. Инженерными войсками у нас заправлял этот, как его?..

— Соболев, полковник.

— Приятно всё-таки встретить из своей армии... Да! А что тебе нужно у нас в тресте? Обижают действительно?

— Да, но об этом—потом... Сегодня у контролёра, понимаешь, выходной; ну я зря пришёл, получается. Вот и погорячился.

— Оба мы погорячились. Бывает. Ну, я сейчас дам команду, чтобы там тебе...

— Да ладно, успеется. Лучше потолкуем про нашу армию. Помнишь, у нас в оперотделе был такой красивый парень—капитан Дроздов?

— Стой, стой, стой... Это какой Дроздов? У него ещё волосы вились, да?

— Вот-вот! Он, понимаешь, теперь командант где-то под Берлином.

— Да, да, да... У тебя потухло. Вот закигалка.

На том конфликт и кончился.

В. АРДОВ

К ВОПРОСУ О ПАПАФАНАСОПУЛОСАХ

Генерал-майор Папафанасопулос, бывший немецкий гаулейтер на острове Эвбея, находится на свободе и разгуливает в военном мундире.

Папафанасопулос —
Верный гитлеровский пёс.
С видом важным и невинным
Он гуляет по Афинам,
Попивает сладкий морс,
Руки в брюки — шик и форс!
Не пиджак обыкновенный,
А мундир на нём военный.
Задают ему вопрос:
— Папафанасопулос,
Отчего вы на свободе?
Объясните: почему?
Иль в Элладе нынче в моде
Не сажать иуд в тюрьму?
Папафанасопулос
Задирает гордо нос:
— Если кто узнать желает,
Почему я здесь хожу,
Потому что не сажают,
Потому я не сижу!

**

Папафанасопулос
Свой вопрос решил хитро-с!

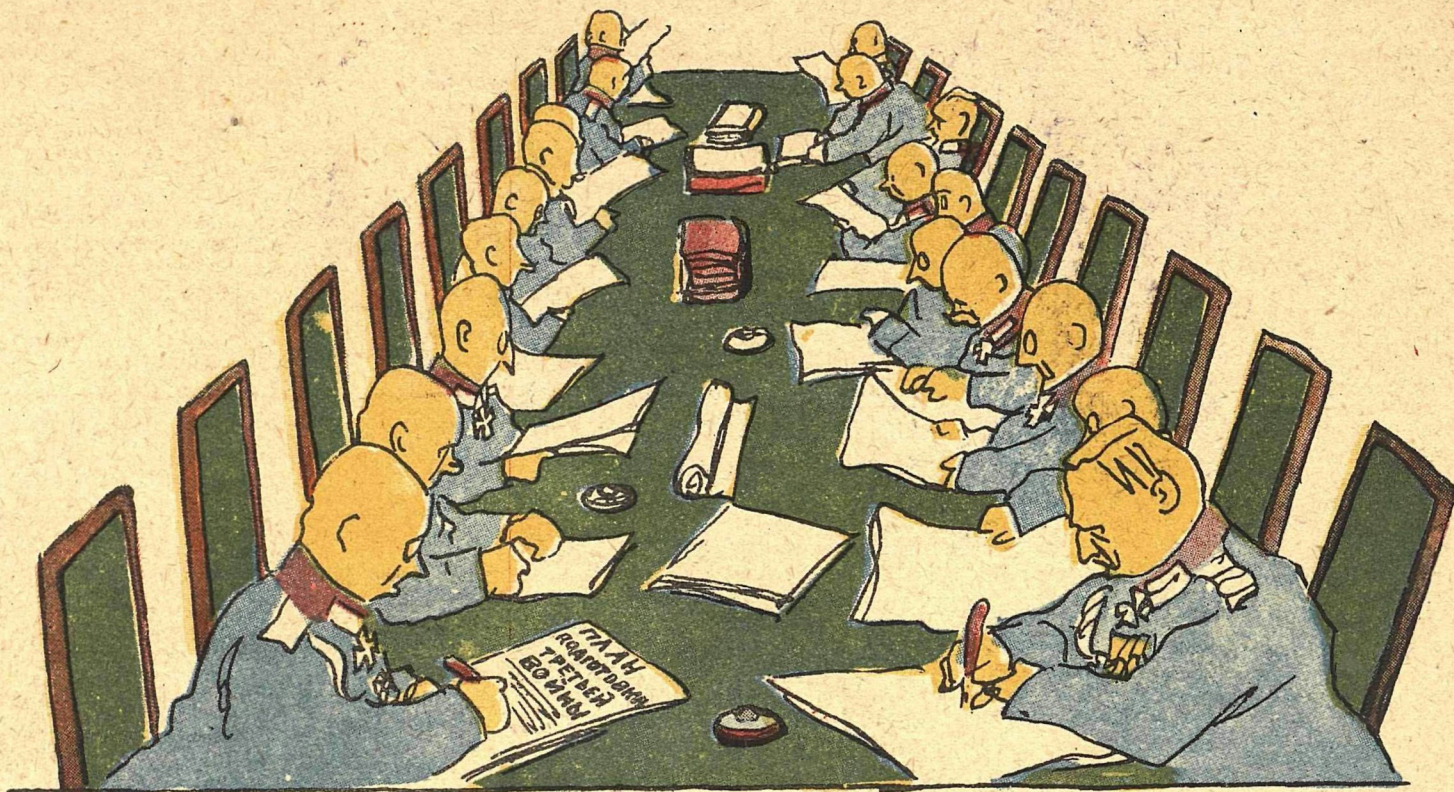
Ал. РОХОВИЧ

— Опять вы пришли обратно с пробными шарами?
— Не берут. Говорят,—низкопробные.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН О ГЕРМАНСКОМ
ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Рис. Л. Бродаты

«...Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человекоубийства... Вся суть современного Берлина, всё мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название: Глав н ы й шта б...»

Я И МОТОЦИКЛ

ВТЕ ДНИ я работал технологом на одном из крупнейших харьковских заводов. Коротко говоря, на Н-ском заводе, выпускавшем прекрасные никелированные замки, электрические утюги и танки.

Марка завода славилась, и я сам предпочитал закрывать дверь моей квартиры оригинальным замком с маркой «ХПЗ», потому что всякий раз, как я терял ключ, я входил в свою квартиру без всяких помех.

Утюги также были «новинкой техники»: их можно было оставлять включёнными на целую ночь в бочке с порохом, не боясь, что вас разбудит пожарная команда.

В отношении танков с маркой «ХПЗ» самый точный отзыв может дать потребитель—наши танкисты. Фрицы принципиально не переваривают этой марки и упорно избегают её, начиная со Сталинградской операции. В своей глупой недооценке нашей продукции они зашли так далеко, что нашим танкистам приходится, что называется, навязывать фрицам танки с маркой «ХПЗ» уже за Одером...

Но не будем забегать вперёд. Сейчас остановимся на вопросе, как и почему я в один роковой период своей биографии загорелся неистребимой страстью к мотоциклу.

Как-то на мотоциклетных гонках я сорвался с дерева под колёса мчащегося мотоциклиста. Этот момент решил мою судьбу, так как впервые я убедился в совершенстве человеческого организма и в богатых возможностях мотоцикла. В то время как три левых ребра у меня только прогнулись, мотоцикл получил тяжёлую травму в области передней вилки и руля.

Я понял, что в дальнейшем жизнь для меня не мыслима без мотоцикла.

Мечта моя осуществилась. И однажды я самостоятельно проехал на прекрасном мотоцикле путь от телефонного столба до кювета. Результаты первого же испытания были ошеломляющие: колёса мотоцикла, даже приняв несколько загадочную форму, продолжали ещё долго крутиться. Количество спиц в обоих колёсах в целях рационализации было сокращено почти вдвое.

Но моя душа восторжествовала только тогда, когда я, ставив с утильсклада ржавую мотоциклетную раму и использовав кое-какие примусные и самоварные детали, пожертвовав замком и электрическими утюгами, собрал свой собственный мотоцикл.

Я ездил на мотоцикле на работу на завод и обратно, в баню, к знакомым. Вот только в столовую добирался допотопным способом—дешком: устроили её головоутипы сдуру на втором этаже. Я был вполне счастлив. Но однажды... Я спешил тогда на работу. На одном из перекрёстков я нечаянно (честное слово!) зацепил девушку в голубеньком платье.

Остановил мотоцикл. Она была жива, только чулок разорвался.

Поднял я её, спрашиваю: не разрегулировалось у неё что-нибудь?

— Нет,— говорит,— спасибо, не беспокойтесь.

Попробовала пройти несколько шагов, но захромала. Спрашиваю:

— Далеко живёте?

— Нет,— говорят.— На улице Свердлова.

— Садитесь, подвезу вас домой, хоть и не по дороге мне...

Её звали Тамарой. Она рассказала мне, что учится в институте иностранных языков. Уже хорошо владеет немецким.

На другой вечер у меня на мотоцикле соскочила цепь как раз возле её квартиры. Тамара, случайно увидев меня из окна, вышла ко мне помочь.

Честное слово, в технике они только мешают! Сам бы я сразу надел цепь, а тут три часа мы надевали её вместе. Она призналась, что интересуется конструкцией мотоцикла и очень хотела бы научиться ездить на нём, а за это она берётся выучить меня немецкому языку.

Раз в неделю я приезжал к ней. Она сначала занималась со мной по-немецки, потом я обучал её езде на мотоцикле. Но после каждого урока по немецкому языку я всё сильнее начинал любить её русский язык. Какими нежными оттенками он был богат!..

Месяц таких напряжённых занятий—и я совершенно свободно говорил по-немецки «ты очень хорошая», «я люблю тебя» и сносно объяснял ей всё остальное на русском языке...

Но неожиданно мотоцикл прервал наши занятия, нашу любовь к иностранным языкам, наши счастливые встречи.

В первый выходной день в мае я заехал к Тамаре, и мы вдвоём поехали в городской парк. Но доехать не удалось.

Вдруг я заметил, что милиционер, артистически регулировавший движение на перекрёстке за мостом, что-то показал на наш мотоцикл. Я оглянулся—всё на месте: и Тамара и её улыбка.

Но, глянув вперёд, я увидел: прохожие почему-то останавливаются, смотрят на нас и смеются.

Я вновь оглянулся на Тамару и обмер: её креплещиновое светлое платье в розах попало под цепь мотоцикла, и, пока я успел что-нибудь предпринять, на моих глазах платье лопнуло по всем швам...

Кроме говоря, в своём небесно-голубом купальном костюме она в мгновение ока превратилась в сказочную амазонку на мотоцикле среди шума современного города.

Бросив мотоцикл, я схватил Тамару за руку и стремглав побежал к универмагу.

Сбив с ног нескольких прохожих, я влетел в универмаг и сходу забуксировал свою престилную подружку за ширму для примерки дамских костюмов.

Я купил ей серое дешовенькое платьице, какое дали мне на имевшиеся случайно у меня в кармане 60 рублей, и отвёз её домой. В пути — в этом последнем моем рейсе с нею — она не обнаруживала никакой охоты отвечать на мои вопросы.

После этого скандала я боялся показаться на глаза Тамаре.

Кроме того, я твёрдо решил: больше никогда в своей жизни не иметь ничего общего с мотоциклами.

Началась война. Я пошёл на фронт, и меня назначили заместителем начальника мотоциклетного батальона.

И вот за Одером мотоцикл снова подвёл меня.

В 18.00 наш батальон занял немецкое село Гаулау. Вызывают меня к командиру батальона. Майор сообщил, что в одном селе нашими танкистами взята в плен группа немецких офицеров и генерал приказал немедленно доставить к нему переводчика.

— Инженер-капитан, — сказал майор. — Всё дело в том, что на шоссе сейчас могут быть фрицы, прорывающиеся из окружённой группировки. Возможна встреча... поехать придётся тебе.

— Где переводчик? — спросил я.

— Она ожидает возле ворот.

— Что? «Она»?!

— Ну, да... Переводчица.

Вышел я во двор. Взял своего «Харлея», проверил горючее, завёл мотор. Взял пару гранат, автомат. Поехал к воротам. Переводчица в шинели, в шапке-ушанке стояла в стороне.

— Садитесь! — приказал я довольно вежливо, не посмотрев даже на нее. — Только не потеряйтесь... держитесь за меня.

Мы помчались на бешеной скорости вдоль шоссе. Столбы с какими-то немецкими и русскими надписями мелькали, как в кино. Через свою кожаную тужурку я чувствовал тёплые женские руки. И я вдруг почему-то почувствовал, что в эту поездку мне не сдобровать.

Вдруг в лесной глуши вспыхнул ненужный огонёк и раздался неуместный выстрел. Возле моего уха приятно прожужжала пуля.

Но первый выстрел был только увертюрой. Затем грянула симфония. Когда кто-то из не известных мне участников этой симфонии нахально сбросил пулей мою шапку, я резко затормозил мотоцикл и прилёг у дороги послушать, что будет дальше. Своей пассажирке я посоветовал также держаться ближе к земле.

— Вы умеете стрелять по-русски? — спросил я у переводчицы, неслышно настраивая свой автомат.

Она моментально отстегнула свой ридикюльчик, висевший у пояса, и вытащила пистолет.

Но стрелять нам не пришлось: стало опять тихо.

— Ну, концерт окончен, поехали дальше, — сказал я, подняв мотоцикл на ноги. — А вы того... шуметь из пистолета собирались, — бросил я ей на ходу, но она скромно промолчала.

Когда мы выскочили из леса в поле, недалеко показалось нужное нам село. Дорога тут нашими танками была приведена в нормальное состояние, т. е. можно было смело занимать оборону, не отрывая новых окопов. Наш мотоцикл то взлетал на гору, то нырял в ущелье.

Я знал, что это будет... Спросите любого мотоциклиста — он всегда знает, где ему упасть. Я увидел ущелье, тянувшееся вдоль дороги, но было уже поздно: мотоцикл сделал несколько головокружительных прыжков в высоту и длину, покрыв сразу все мировые рекорды. От сумасшедших толчков я стучал зубами. Но вот ещё один рывок. Я удержался, но мотоцикл шарахнулся в сторону, и мы расстались. Потом

ничего не было. Вернее, произошла небольшая пауза в моей памяти. Очнулся я в радостном сознании, что нахожусь на земле-матери.

Приподняв голову, я заметил на близкой дистанции лежащий мотоцикл, а влево в непринуждённой позе лежала переводчица, которую я должен был доставить генералу в полной сохранности.

— Алло! Алло! — приветливо крикнул я своей пассажирке. — Вы живы? И, вообще, как ваше настроение?

— Убийственное, — ответила переводчица. — И «вообще» вам лучше было бы ездить на быках... безопасней для окружающих!

Сделав технический осмотр № 1 моей ходовой части, я убедился, что все мои детали были при мне. Несколько нарушилась только регулировка приводов управления: когда я хотел двинуть левую ногу, двигалась почему-то правая.

Я подполз сначала к мотоциклу. Он лежал без признаков жизни. Но тяжёлых травм по наружному осмотру я не обнаружил.

Затем я направился к переводчице. Моя отважная спутница лежала в полном порядке, но комендантский надзор её определённо задержал бы, так как она была, как

и я, без головного убора и со лба текла кровь. Её шапка лежала в нескольких метрах от неё. Волосы её были растрепаны, она тихонечко стонала.

Я подполз ближе.

— Товарищ лейтенант, — сказал я вежливо, стараясь этим загладить впечатление о моей езде. — Разрешите вытереть лишнюю кровь у вас на лбу.

Я вытащил из кармана носовой платок и уже поднял руку, чтобы вытереть кровь со лба моей пассажирки, но рука моя не дотянулась... Передо мной лежала Тамара. Её незабываемые откровенные глаза, её большие ресницы.

— Тамара! Неужели это ты?!

— Да, мой милый Толя, это я, Тамара... — ответила она.

И тогда я нарушил все правила медицины: я поцеловал своими, может быть, грязными губами ранку на её лбу.

Товарищи! Вы простите меня... я не скажу вам больше ни слова. Я только одну минутку хочу побыть со своей любимой. Неужели я не заслужил минутки личной жизни?!

Не беспокойтесь! Задание командования было выполнено...

Вячеслав СРИБНЫЙ

Действующая армия.

ОРАТОР И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

Рис. А. Каневского

ГЕББЕЛЬС (по-немецки): — Мы стоим на Одере, как скала!..

ЯЛЧИН (по-турецки): — Они стоят на Одере, как скала!..

УАЙТ (по-херстовски): — Как скала, стоят они на Одер!..

ГЕББЕЛЬС (по-немецки): — Майн гот!..

ЯЛЧИН (по-турецки): — Аллах!..

УАЙТ (по-херстовски): — Вот черт!..

ГЕББЕЛЬС (по-немецки): — Но дальше они не пройдут!..

ЯЛЧИН (по-турецки): — Не пройдут!..

УАЙТ (по-херстовски): — Нет!..

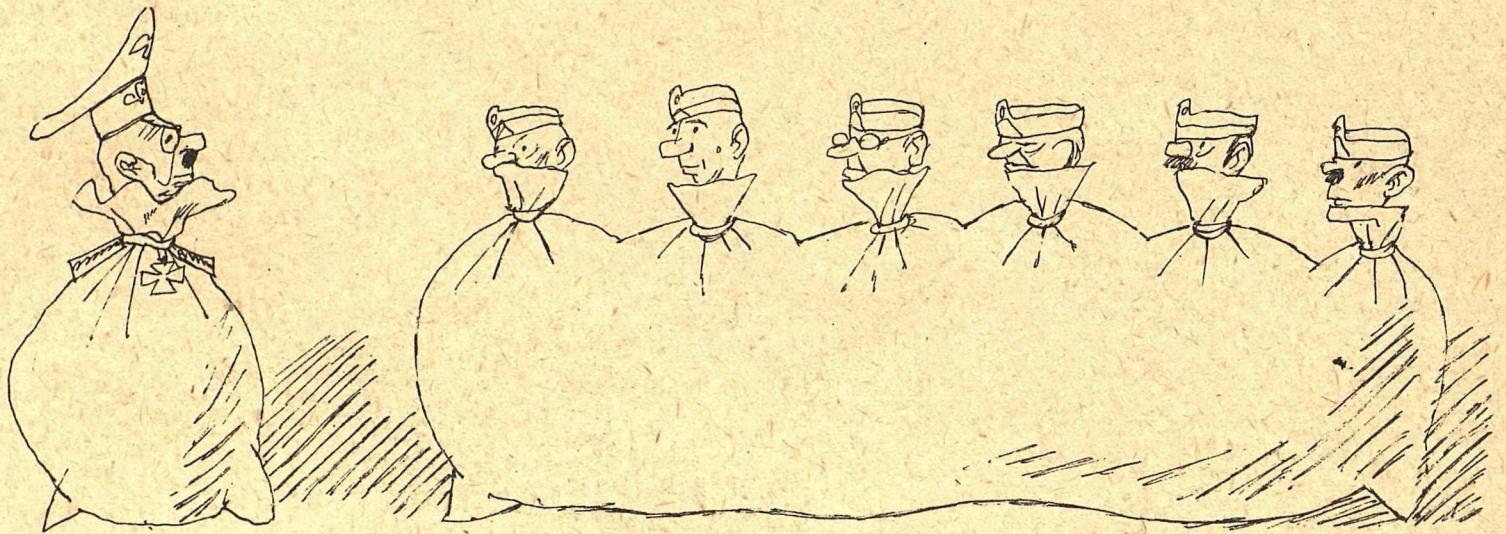
ГЕББЕЛЬС (по-немецки): — Ох!..

ЯЛЧИН (по-турецки): — Ах!..

УАЙТ (по-херстовски): — Ух!..

Новая форма германской армии из первосортной русской мешковины.

С первым апреля!

КАК ИЗВЕСТНО, первое апреля — это такой день, когда, по существующей традиции, полагается обманывать и надувать всех знакомых и незнакомых.

Автор этих строк уже с утра пал жертвой самой примитивной первоапрельской шутки. Он шёл по Петровке, когда какой-то сорванец истошным голосом закричал:

— Дяденька, дяденька, посмотрите, у вас спина в меду!

Конечно, я инстинктивно обернулся. И тут же услышал победный вопль маленького обманщика, скачущего от восторга на одной ножке:

— С первым апреля, дяденька!.. С первым апреля!..

Второй раз в этот день я был обманут газетой «Советское искусство», напечатавшей следующую заметку:

«Комитет по делам искусств утвердил репертуарный план Центрального детского театра на 1945 год. В марте театр покажет премьеру пьесы Мстиславского «Грач — птица весенняя», в мае — «Бедность — не порок» Островского...»

Моя маленькая театралка-дочь, выслушав это сообщение, с удивлением спросила:

— Папа, что же это такое?.. Газета от 29 марта... Получили мы её 31-го... Март уже окончился, и никакого «Грача» не показали... Значит это обман?..

На что я ей ответил:

— Это не обман, а первоапрельская шутка... Театр хотя и центральный, но всё-таки детский... Как же не пошутить в такой день?.. Вероятно, художественный руководитель Волков теперь весело скачет на одной ножке и кричит доверчивым маленьким зрителям: «С первым апреля, ребята!.. С первым апреля!»

Однако дочь сказала со всем скептицизмом 12 лет:

— Почему же у них в сентябре тоже первоапрельские шутки?

И протянула старую газету с пространным интервью Волкова, в котором худрук Центрального детского театра обещал показать «Грача — птицу весеннюю» к 7 ноября, а вслед за этой птицей — «Бедность — не порок», пьесу о Миклухе-Маклае и ещё штук пять других постановок.

— М-да! — задумчиво крикнул я, не зная, как отнестись к этой первоапрельской мистификации в сентябре. — Действительно, это уже не обыкновенный чёрный грач, а какая-то неуловимая «синяя» птица... Гм!.. А может, всё это только опечатка?

— А в Московском тюззе тоже опечатка? — с детской беспощадностью спросила дочь. — По крайней мере, они раза четыре обещали «в начале учебного года показать старшим школьникам «Три мушкетёра» по Дюма»

Тогда я взял комплекты прошлогодних газет и стал читать различные театральные интервью и репертуарные планы. Ах, какое это оказалось увлекательное первоапрельское жюльверновское чтение!..

Что, например, показал в этом сезоне Центральный театр Красной Армии?

Пока что лишь комедию братьев Тур «День рождения».

А что говорил перед открытием сезона художественный руководитель А. Попов?

Говорил, что заканчиваются репетиции пьесы Луковского «Битва при Грюнвальде» и кроме того принята к постановке пьеса Лопе де Вега «Учитель танцев» в переводе Щелкиной-Куперник...

Тэ-эк-с!.. С первым апреля, дорогие зрители!.. Пошли дальше...

Что дали, как говорится, на сегодняшний день вахтанговцы?

На сегодняшний день дали только «Нитуш». Правда, вот-вот должны выпустить «Проклятое кафе» Шкваркина.

А что они осенью обещали зрителю?

Осенью обещали «Нитуш», затем 7 ноября — «Великий государь» В. Соловьёва, после него — «Туман над заливом» Штока и «Как важно быть серьёзным» Оскара Уайльда, над какой-то пьесой «работает молодой режиссёр Сидоркин».

Действительно, эта информация показала, как важно быть серьёзным, когда даёшь интервью.

А чем порадовал нас прошедшей зимой театр имени Моссовета?

Прошедшей зимой он ничем не радовал. Говорят, весной должен порадовать долгожданной чеховской «Чайкой».

А чем должен был порадовать, согласно репертуарным обещаниям, опубликованным в газетах?

Во-первых, «Чайкой», во-вторых, «Ревизором» Гоголя, в-третьих, «Багратионом» Мдивани, в-четвёртых, «Поздней любовью» Островского... Кроме этих фундаментальных интервью было ещё множество мелких заметок о театральных событиях, которые так и не произошли.

Например:

«В декабре в филиале Малого театра состоится премьера пьесы Островского «Невольницы» в постановке П. М. Садовского».

Или:

«В конце декабря театр имени Ермоловой покажет «Укрощение укротителя» Флетчера в постановке Н. П. Хмельёва».

Ещё:

«В ближайшее время в Камерном театре возобновляется «Мадам Бовари» Флобера с А. Коонен в заглавной роли».

А театр Сатиры с завидным постоянством каждые две недели в течение, по крайней мере, года упорно сообщал во все органы печати:

«Заканчиваются репетиции пьесы Соловьёва и Витковича «Возмутитель спокойствия». Следующая постановка — комедия Дыховичного и Симонова «Друзья остаются друзьями».

Под конец у меня зарябило в глазах от этих «сатирических» заметок, и уже казалось, что пройдут десятилетия, многое изменится на нашей планете и только солнце попрежнему будет совершать свой путь по небу, а в театре Сатиры — попрежнему «заканчиваться» репетиция всё того же «Возмутителя спокойствия».

И лишь старый, мудрый МХАТ проявил в информации величайшую осторожность:

Дирекция этого театра опубликовала прошлой осенью обширный репертуарный план. Семь постановок! Правда, предусмотрительные мхатовцы не указали не только месяц, в который предполагается выпустить тот или иной спектакль, но даже год, когда это событие произойдёт.

Точно известен только век. Все премьеры состоятся в текущем столетии...

Весь день я читал эту репертуарную фантастику, а ночью мне приснился странный сон. Будто я опять иду по Петровке и какой-то пожилой директор театра истошным голосом кричит:

— Гражданин, гражданин, посмотрите, у вас премьера на носу!

Я инстинктивно хватаюсь за нос. И тут же слышу победный вопль этого директора, скачущего от восторга на одной ноге:

— Поверил, поверил, чудак!.. Кто же театральному интервью верит?! С первым апреля!..

Тьфу, какой нелепый сон!

Евг. БЕРМОНТ.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОБЪЯТЫЕ ХОЛОДОМ...

С мест поступают жалобы на то, что от Куйбышевского облземотдела нельзя добиться ответа на обращённые к нему запросы. Директивы этого учреждения сильно запаздывают. Такое руководство, по мнению некоторых скептиков, не содействует успешной борьбе за высокий урожай.

Верно: не содействует. Но надо же разобрататься в причинах. Достоверно установлено, что хотя в Куйбышевской области весна уже вступила в свои права, в облземотделе той же области попрежнему царит холод. Низкая температура, естественно, рождает и прискладное отношение к запросам с мест.

В этих условиях достойно восхищения, что работники облземотдела вообще не потеряли способности рассылать директивы. Их плакаты и брошюры, посвящённые снегозадержанию, получены на местах в конце февраля, когда в некоторых тенистых местах колхозных дворов ещё сохранились зимние следы. А ведь, скованные льдом, облземотдельцы могли начать борьбу по снегозадержанию в конце июля или начале августа. Представляете себе, в каком затруднительном положении очутились бы тогда руководители колхозов?!

СТРАННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

С главным инженером Воронежского треста совхозов тов. Мареком творится нечто явно-неладное. Вначале было врачи решили, что тут типичный случай «Мания грандиоза» — мании величия. Для этого диагноза налично были все данные. Так, главный инженер тов. Марек рапортовал, что совхозы треста отремонтировали 495 тракторов. На деле же оказалось, что подготовлено меньше половины — 218 машин.

Обратились к тов. Мареку:

— Мы вот по поводу ремонта тракторов...

— Тракторов? А что это такое?.. Трактора?! Впервые ельшу!.. — произнёс тов. Марек таким простосердечным тоном, что в искренности нельзя было сомневаться.

И что же выяснилось: в прошлом году тов. Марек не был ни в одном совхозе и с начала весенних полевых работ и до конца уборки ни одного трактора даже в глаза не видел.

Тов. Марек запустил болзнь, и провалы памяти у него дошли до того, что он забыл, как выглядит трактор.

По мнению специалистов, есть два способа восстановить утраченную память тов. Марек: 1) если наши отзывчивые читатели перешлют ему снимки с изображением тракторов различных марок и 2) если Наркомат совхозов сжалится над тов. Мареком и командует его в совхозы хотя бы на страдную пору.

Какой способ окажется более верным, покажет жизнь.

В. В. ВИШНЕВСКИЙ

Дружеский шарж Кукрыникова

Ходишь ли в Кронштадте, выйдешь ли на Невский, Средь журнальных схваток и в огне атак Встретится повсюду Всеволод Вишневский, Славный «Знамя»-носец, с Балтики моряк.

Где бы ни тянулись «стены Ленинграда», Всеволод Вишневский говорит: «Даёшь!» Он моряк, конечно, и моряк — что надо, Но его специальность сразу не поймёшь.

Волк морской — по стажу, по задору — мальчик, Живостью природы — юнга до сих пор, По уменью видеть — явно он сигнальщик, Но — огонь и меткость! Нет, он комедор.

Моряка зачислить по какому жанру, — Пристань не знает, не заходит в док, Торпедист — по хватке, кочегар — по жару, Интендант — богатством и по вкусу — жок!

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Почти два с половиной года назад я предъявил через народного судью 6-го участка Кагановичского района Новосибирска иск к железнодорожной больнице о взыскании стоимости похищенных в ней моих вещей. Не получая от судьи в течение долгого времени никаких известий, я обратился в Наркомюст РСФСР. Отсюда было сделано в Новосибирск пять запросов, но безрезультатно. Вмешался Наркомюст СССР, — и это не помогло.

Сейчас меня уже тревожит не столько моё дело, сколько сам народный судья 6-го участка. Что он поделывает? Здоров ли? Почему начальник Управления Наркомюста по Новосибирской области тов. Куц, получивший 5 запросов из Москвы, упорно не хочет выяснить, как живёт и работает подчинённая ему судебная единица? Как себя чувствует судья 6-го участка и как чувствуют себя другие граждане, ко-

торые, подобно мне, имели счастье связать с ним свою судьбу?

С. ХЕЛЕМ

Москва.

Уважаемый Крокодил!

В порядке обмена опытом хочу рассказать о большой рационализаторской работе, проведённой в челябинском кинотеатре имени Пушкина. Отказавшись от кустарных методов других зрелищных предприятий, где билеты отпускаются отдельным зрителям-одиночкам, администрация вышеуказанного кинотеатра ввела в обиход продажу целых сеансов.

Что этим достигается? Этим достигается, во-первых, благородная цель, которую ставит перед собой гуманная администрация, — всемерно облегчить тяжёлый труд кассирши, чьи обязанности полностью перешли к скупщикам, охотно уступающим билеты с незначительной надбавкой в 400—500 процентов.

Этим, во-вторых, ликвидируются очереди у единственной в театре кассы и создаются так называемые летучие кассы, действующие на открытом воздухе, в окрестностях упомянутого культурно-просветительного учреждения.

Таким образом, администрация довольна,

кассирша тоже. Известные неудобства испытывают, правда, зрители, но в этом они сами виноваты: никто их силком в кино не тянет.

Б. ПЕРЕБЕРИН.

г. Челябинск.

Дорогой Крокодил!

Государственная санитарная инспекция Кировского района в Новосибирске развила бурную деятельность. Заглянув как-то в столовую инженерно-технических работников комбината № 179, инспекция пришла в ужас: какое вопиющее нарушение всех правил санитарии и гигиены! В то время как щи вполне съедобны и по линии котлет также всё обстоит благополучно, столовая позволила себе нарушить самые элементарные санитарные нормы и возымела намеренье открыть при столовой библиотеку и агитпункт.

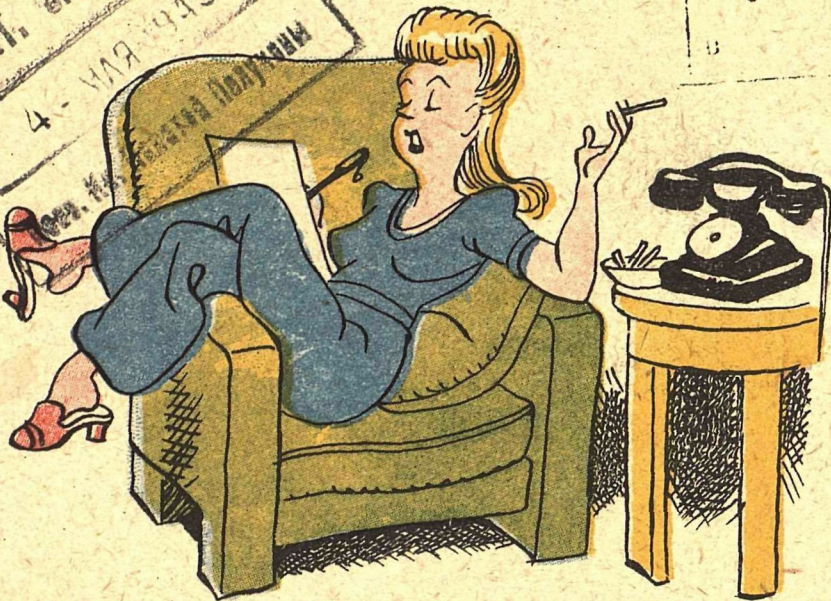
— Запретить! — запротестовала инспекция. Почему? Разве только потому, что с точки зрения бдительной инспекции в столовой разрешается питаться только обыкновенной пищей, а отнюдь не духовной.

Е. КОРУШКИН,

парторг ЦК ВКП(б) на комбинате № 179 Новосибирск.

НЕЧТО О НЕКОТОРЫХ

44
Бор Ефимова
СЕРИЯ Т. АНДРЕЙКИНА
4 - МАЯ 1945

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ, или ПИСЬМО ТАТЫ ЛАРИНОЙ ГЕНЬКЕ ОНЕГИНУ

Я вам карябаю. Порядок.
Ну и чудак! В вас влюблены,
В вас влипли с головы до пяток,
А вы — молчок и хоть бы хны!..

Кончаю. Страшно перечесть.
Вся измоталась. Ну и ночка!
А ежели ошибки есть,—
О них молчите в тряпку. Точка.

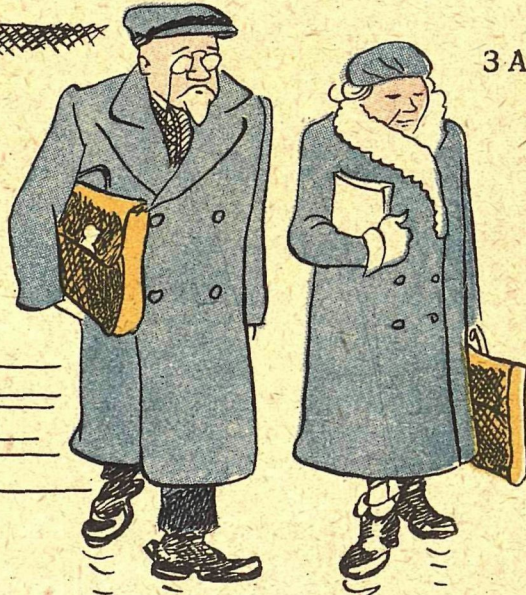

ЕГО ПРОЗА

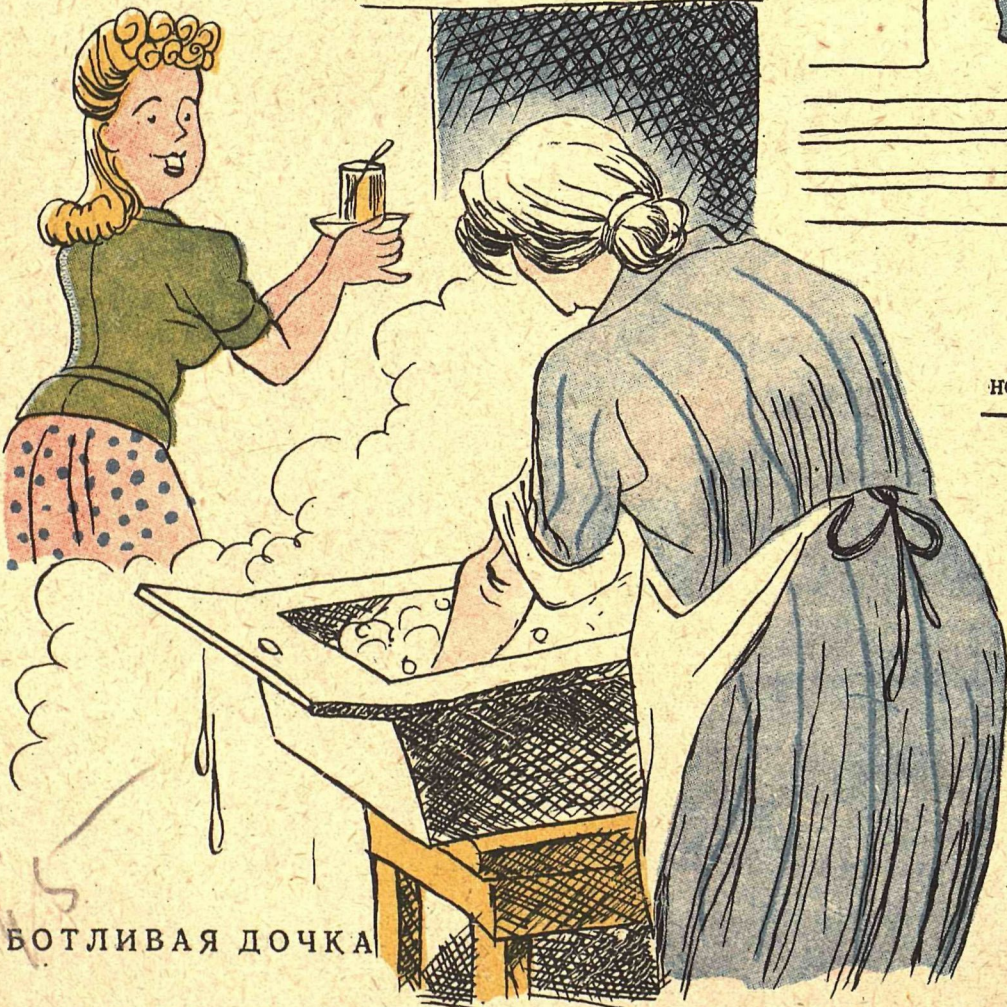

— Мы с тобой сейчас прочитали стихотворение «Как хороши, как свежи были розы...» Расскажи его своими словами.
— Розы были на большой и пахли на ять...
— Постой!.. Что ты городишь?
— Вы же сами просили рассказать своими словами...

ЗАДАЧА НА ДРОБЬ

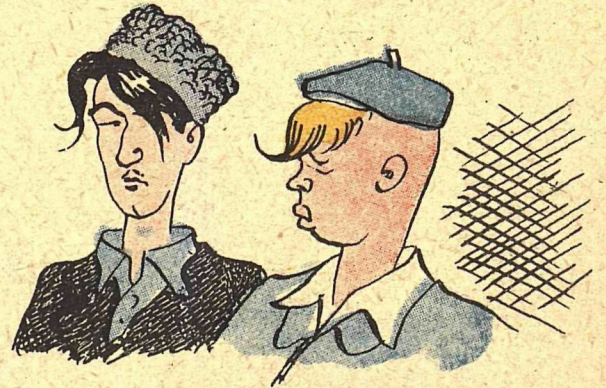

— У нас добрая половина школьников не уступает старшим дорогу...
— А уж злая — подавно!..

ЗАБОТЛИВАЯ ДОЧКА

— Видишь, мамочка, я тебе помогаю: сама себе чай налила!..

КУЛЬТУРТРЕГЕР

— Ух, я вчера одного за некультурность здорово по морде съездил!..

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 263. Подл. к печати 18/IV 1945 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
A5605. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 822. Тираж 100.000 экз.